

Дом Лю Сымина вовсе не был таким бедным, как он описывал, — как его единственный близкий друг, я прекрасно это знал. Стесненное положение его родителей объяснялось волной сокращений прошлых лет, но их семье фатально не везло: оба родителя потеряли работу и были вынуждены самостоятельно пробиваться в обществе, из-за чего его детство выдалось куда более тяжелым. Однако последовавший бум сноса ветхого жилья пришелся как нельзя кстати. Их скромный одноэтажный домик находился в бывшем общежитии сотрудников обанкротившегося госпредприятия, и волна переселения вдохнула в них новую жизнь, избавив от необходимости заискивать перед другими. На похороны Лю Сымина съехалось столько родных и друзей, и просторный дом запросто вместил всех гостей — лучшее тому подтверждение. При этом я мог спокойно сидеть внутри в одиночестве и читать дневник друга, что казалось каким-то нереальным.

— Эта глава о его первой любви... Ах этот парень, я столько всего о нем знал, но про первую любовь почему-то ни слова! — с горькой усмешкой подумал я и продолжил чтение. Когда-то я спрашивал, есть ли у него кто-то на примете, а он все отрицал — оказывается, просто врал мне.

...

Не знаю, можно ли считать это первой любовью. Я увидел ее в первый же день учебы в старшей школе. Она словно светилась среди толпы, все остальные казались серыми и тусклыми, и только ее — куда бы я ни пошел — я замечал повсюду. Стоило увидеть ее, как весь мир наполнялся красками и жизнью, и даже идти становилось легче.

Мне казалось, что эта девочка мне знакома. Я, второкурсник университета, сидя за столом, вдруг вспомнил слова Цзя Баоя: «Эту сестрицу я где-то видел». Впрочем, тогда я просто подумал, что она невероятно родная, будто у нас был уговор еще в прошлой жизни. Словно поддавшись наваждению, я подошел, непринужденно уселся рядом и расспросил, в какой школе она училась в средней. Узнав, что она тоже из Четырехзвездочной школы, да еще и из обычного класса, я почувствовал, как во мне прибавилось уверенности. С жаром принялся рассказывать, что я из той же средней школы, но из усиленного класса. В тот миг я ощущал себя невероятно уверенным, в глазах сиял огонь, а шаг пружинил. Мы болтали без умолку, пока не вошел учитель. Рассадка шла по росту, и поскольку она была миниатюрной, я намеренно встал поближе и договорился с несколькими парнями чуть ниже меня ростом, чтобы они сели сзади. Они и сами с радостью пересели бы назад — в конце концов, они вечно сидели на первой парте, и возможность хоть немного отдалиться от учительских глаз была им только на руку. Так, благодаря моим маленьким хитростям, я сумел стать с ней за одну парту.

В то время, когда мы были так близки, я забросил обычные записи в дневнике. Тогда я даже «Растения против зомби» ни разу не открыл: в голове кружились только ее милая улыбка и черные блестящие глаза. Стоило закрыть глаза, как она словно бы маячила передо мной. Сейчас вспоминать то, как мы постепенно сближались, уже не так четко. Кажется, всё началось с того, что мы почти не разговаривали, кроме как по учебе, изображали холодность и держали странную дистанцию за партой; потом стали невзначай задевать друг друга руками, когда просили канцелярские принадлежности; затем я незаметно показал ей, что не против, если девочки переступают незримую черту — наши чувства крепились стремительно. В тот день на уроке истории учитель рассказывал о том, как братья Райт изобрели самолет. Она вдруг выхватила у меня учебник и написала в нем четыре слова, которые я так и не осмелился ей сказать.

«Я люблю тебя».

Наверное, настоящая искренняя страсть, рождающаяся из самого сокровенного уголка души, — это вот такие простые четыре слова. К чему еще какие-то эпитеты, к чему громкие клятвы? Девочка нарочно вывела буквы чуть кривовато, словно стеснительный почерк ребенка, — какая поэзия сравнится с ее заалевшими от смущения щеками? В тот момент я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете: к черту все эти тупые игры, учителей и родителей, мне нужна была только она одна. Я не стал вписывать ее имя в дневник, потому что оно уже было высечено в глубине моей души. Если бы в тот день Хуа-гэ или кто-то другой спросил меня: «Ты еще помнишь ее?», я бы без колебаний ответил: «Помню», — даже если они еще не успели уточнить, о ком речь.

Мне очень хотелось заглянуть ей в глаза и признаться в чувствах, но никак не подворачивался подходящий момент. И тогда я предложил ей соревнование: мы смотрим друг на друга, и кто первый моргнет — тот проиграл. Мы так долго глядели друг другу в глаза, и музыка звонка с урока стала лучшим аккомпанементом — даже спустя годы, услышав «Песню Пипы» Линь Хая, я мгновенно переносусь в тот послеучебный час 2012 года. В этой музыке — ее прищуренные добрые глаза, полные нежности и искорок, похожие на ленивую ласковую кошку; легкая улыбка в уголке губ: чуть больше — и казалось бы легкомыслием, чуть меньше — холодом. В конце концов я сам смутился, неловко рассмеялся, опустил голову и признал поражение, но сердце колотилось как безумное, а на душе было сладко, будто меда наелся. Читать вслух на уроке литературы стало еще интереснее, я читал во весь голос. Если бы в учебниках по чтению были любовные письма поэтов, я бы без раздумий повторял их ей тысячу, десять тысяч раз, но я не мог. Школа разослала уведомления о запрете ранней любви, извращенно выставив ее средством для привлечения внимания тех учеников, кому не хватает заботы дома. Тогда я почему-то поверил в это и в итоге так и не признался ей до самого выпуска. Как же сильно мне хотелось в тот момент во все горло закричать: любовь не спрашивает о возрасте, профессии или расе — раз она возникла, значит, это любовь, а так называемая ранняя любовь изначально ложное понятие! Но я, юный и невежественный, встретил любовь всей своей жизни в возрасте, когда еще не умел отличать главное от второстепенного, и так легко от нее отмахнулся. Всё потому, что она досталась слишком просто, а потому и ценилась не так высоко...

Я до сих пор не понимаю, почему стоило нам в старших классах перейти в другие классы, как я больше ни разу не попытался заговорить с ней первым. Однажды во втором классе старшей школы, весело болтая с Хуа-гэ по дороге в лавку, я случайно столкнулся с ней. Она была всё такой же очаровательной. Замерев чуть в стороне, она пристально смотрела мне в глаза с явным ожиданием. Я замер, словно пойманный с поличным воришка, и, сделав вид, что не заметил её, просто прошел мимо. Одному Богу известно, что она думала тогда. Полтора года спустя, в выпускном классе, я случайно увидел на её страничке в QQ, что у нее появился новый парень, — не знаю почему, но мне показалось, что он очень похож на меня. Я поставил ей лайк. Вскоре после этого она исчезла из моего списка друзей.

Я до сих пор так и не понял, почему я ей не признался.

Должен признать, я не отличался особой верностью. Даже в школьные годы я заглядывался на многих других девочек — красивых, умных, высоких, — изоощряясь в тайных увлечениях и сменяя предмет обожания ради опьяняющего чувства новизны. Невежественный, я воображал, будто легко могу завоевать девичье сердце, и даже не думал о том, что она — посланная мне

небесами лучшая спутница жизни. Потеряв ее, я больше никогда не испытывал ничего подобного ни с одной другой девушкой. Это чувство называлось настоящей любовью. Когда в целом мире видишь только ее одну, когда всё твоё внимание сосредоточено лишь на ней.

Я просто трус, я боялся открыто попросить родителей купить мне велосипед Giant и кроссовки Nike, боялся пойти в Четырехзвездочную школу, боялся вслух сказать ей: «Я люблю тебя». Казалось, будто эта напускная горделивость придаст моей жизни хоть какую-то ценность.

Разве можно назвать первой любовью то, в чем не признался? Наверное, это была лишь иллюзия.

<http://bllate.org/book/20883/2111625>